

Лушников А. А.

**«Попове и книжници». Образ священника
в антиязыческой дидактической литературе Древней Руси XI–XIII вв.**

В число письменных источников Древней Руси входят антиязыческие дидактические произведения, целиком и полностью посвященные развенчанию так называемого язычества. Они дошли до нас в основном в составе учительных сборников XIV–XV вв. (Паисиевского, Софийского, Трифонового)¹, однако время их составления обычно датируется более ранним временем: XI–XIII вв.; они входят в состав общего для Паисиевского и Софийского сборников комплекса антиязыческих поучений, который содержался в общем протографе XII–XIII вв.² Данные произведения давно привлекают внимание исследователей, но, как правило, в качестве источников для реконструкции дохристианских славянских верований, что оказалось вследствие известных причин делом весьма затруднительным. Вместе с этим подобные дидактические сочинения содержат самые разные сведения о социальной, бытовой жизни современников, а также каноническом сознании и философских взглядах самих древнерусских книжников. В связи с этим интересен литературный образ не только язычников, но и священников, представленный в антиязыческой литературе.

То, что «попы» являлись объектом внимания авторов, является естественным фактом. Подобные сочинения на данном этапе более корректно рассматривать как руководства для христианского духовенства. Так как пергаменные рукописи отличались значительной дороговизной³, а репертуар небольшой приходской церкви был минимальным⁴, то антиязыческие сочинения, находившиеся, надо полагать, в собраниях только крупных соборов и монастырей и были достоянием, прежде всего, духовенства. Конечно, учительная литература не только читалась, но и проповедовалась в церкви. Тем не менее, в первые века христианства на Руси значительное количество слушателей подобных назиданий (в том виде, в каком мы можем их прочесть), вероятно, также составляли представители духовенства. Само содержание этой литературы было сложным и вряд ли полностью доступным простым прихожанам.

При первом прочтении антиязыческих произведений виден противоречивый образ «учительствующих». С одной стороны, для них в данных произведениях ставились идеальные образцы, которым необходимо было следовать.

¹ ОР РНБ. Ф. 351. Кир-Бел. № 4/1081; ОР РНБ. Ф. 728. Соф. № 1285; ОР РНБ. Ф. 728. Соф. № 1262.

² Софийский сборник даже сохранил орфографию XII–XIII вв.: Антология памятников литературы домонгольского периода в рукописи XV в. Софийский сборник. М.; СПб., 2013. С. 4.

³ Столярова Л. В., Каштанов С. М. Книга в древней Руси (XI–XVI вв.). М., 2010. С. 56.

⁴ В храмах в рассматриваемое время не хватало и самых необходимых книг для богослужения: Волков Н. В. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI – XIV вв. и их указатель. СПб., 1907.

Особенно показательны в этом плане «Слово некоего христороубца и ревнителя по правой вере» (далее – «Слово некоего христороубца»), напрямую обращающегося к «пастырям» и постоянно обращающийся к апостолу Павлу: «молю же вы ся подобници ми будит и попове книжници будите, вы подобници павлу великому оучителю»⁵. С другой стороны, большую часть образа священника составляет не «мольба» о следовании идеальным образцам, а порицания нерадивых пастырей, «лихих пастухов».

Автор того же «Слова некоего христороубца» ставит последним в вину следующее: во-первых, прямое следование идолским обычаям («пьют о идолех своих, веселящимхся не хужши сут еретиков, ни жидов, иже в вере и во крещенныя тая творят, не токомо невежи, но и вежи, попове и книжници»⁶), во-вторых, употребление в пищу идоложертвенного («аще не творят того вежи, да пьют и ядят моленное то брашно»⁷), игнорирование нарушений канонов другими, нежелание учительствовать («аще не пьют ни ядят да видят деяния их злая, ащели не видять да слышат и не хотять их поучити, о таковых бо пророк речеть окамене сердце люди сих»)⁸.

К образу таких «попов» и «книжниц» обращался не только автор «Слова некоего христороубца». Так, если мы обратимся к составу Паисиевского сборника начала XV в. (где читается один из ранних списков указанного «Слова»), что собственно антиязыческие произведения находятся там в окружении поучений к духовенству. Сочинения против язычества «Слово некоего христороубца», «Слово святого Григорья, изобретено в тольцех о том, како первое погани суще языци кланялися идолом и требы им клали, то и ныне творят» (далее – «Слово Григория об идолах») сменяют выдержки канонических правил «От апостольских заповедей», посвященные требованиям к духовенству⁹. Осуждаются настольные игры как проявление язычества, а также пьянство, грубость, неразумность («запоичиву грубу неразумиву недостойть быти попом»)¹⁰, запрещалось поставление в попы невежественных людей: («яко не подобает попове невежи бытии... или дьякону невежи... аще будут поставлены да измещють и поставивыи и поставленыи да будут проклятии»¹¹). После данных правил читаем толкование на 23-ю главу Евангелия от Матфея): «Рече Господь, горе вам книжници, фарисеи и лицемерии... Се же глаголять о попех, попове бо величаву и горду, запоичиву, грубу неразумиву недостойть быти попом, ни детеи достоить духовных приклат на поучение ни достоить таковому исповедати. Собе не могушее наоучити так како иного наоучити»¹².

Софийский сборник XV в. хотя и не воспроизводит в точности порядка следования учительных сочинений Паисиевского сборника, сохраняет в целом тот же состав основных антиязыческих произведений (с прибавлением «Слова Исаяи пророка» истолковано Иоаном Златоустым о ставящих вторую трапезу роду и рожаницам» – далее «Слово Исаяи пророка»), после набора данных со-

⁵ ОР РНБ. Ф. 351. Кир-Бел. № 4/1081. Л. 300б.

⁶ Там же. Л. 290б.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 45-48.

¹⁰ Л. 450б.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 460б-47.

чинений с небольшой вставкой ряда текстов другой тематики («Слова святого козмы яко не подабае жены звати госпожею» и др.) следует та же группа поучений к «попам» – «От апостольских заповедей», «Поучение попом»¹³.

Таким образом, нарратив «попы и книжницы» довольно широко представлен в антиязыческой литературе, и связан с обличением оных в идолопоклонстве и сопутствующих грехах. Вместе с этим его анализ позволит выявить как идейные книжные конструкции, применявшиеся в литературной борьбе против язычества, так и то, как они коррелировали с социальными реалиями XI–XIII вв.

Обращает на себя внимание сама фраза с двумя элементами «попове и книжнице», которая в составе антиязыческой литературы встречается, прежде всего, в «Слове некоего христолюбца». В. Я. Петрухин справедливо указал на параллели к ней в евангельском мотиве о книжниках и фарисеях: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человеком, ибо сами не входите и желающих войти не допускаете». Мф. 23:13)¹⁴. В свою очередь, отметим связь «Слова некоего христолюбца» со «Словом о лжепророках, и лжеучителях, и об еретиках, и о знаменях кончины века сего» Псевдо-Златоуста, где читаем: «Горе вам, вожди слепые, невежественные и слабые, украшающиеся одеждою, а не книгами, забывшие слово Божие и служащие чреву... Слушайте, пастыри, голос верховного Пастыря; слушайте, как разоблачает и отгоняет Он тайных волков; слушайте и будьте внимательны и к себе самим и ко всему стаду»¹⁵, там же встречаем соответствующую цитату из Евангелия от Матфея¹⁶.

Данное сочинение было хорошо известно книжникам в домонгольское время: в Златоусте XII вв. располагается своеобразная интерпретация – отрывки в разных частях рукописи («Яко все нас дельма Бог», «Еже не отчаатися о гресех», «Се же глаголю, да не послушаем точню и не разумеваем»)¹⁷, выступающие как отдельные произведения, но восходящие к греческому источнику¹⁸. Вероятно, это произведение и послужило источником для формирования образа «попов и книжниц» в «Слове некоего христолюбца». Мотив стал расхожим, в «Слове о лживых учителях» (XIII–XIV вв.) читаем: «Попове люд не на добро, но на зло, рече господь горе вам воже ве слепи»¹⁹.

¹³ ОР РНБ. Ф. 728. Соф. № 1285. Л. 94-95.

¹⁴ Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1. Древняя Русь. М., 2000. С.306.

¹⁵ Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. СПб., 1902. Т. 8. Кн. 2. С. 699.

¹⁶ Там же.

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 550. ОСРК. Фп. I. №46. Л. 5–8, 19, 171–175.

¹⁸ Фомина М. С. Древнейшие списки сборника Златоустов в ранней славянской письменности (XI–XII вв.) // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 34–53.

¹⁹ ОР РНБ. Ф. 351. Кир-Бел. № 4/1081. Л. 72. Древнерусская переработка «Слова о лжепророках». Наряду с Паисьевским, присутствует как в Софийском (ОР РНБ. Ф. 728. Соф. 1285. Л. 26-30), так и Трифоновском (ОР РНБ. Ф. 728 Соф. №1262. Л. 106-108 об.) сборниках. О происхождении и датировке памятника см: Клибанов А. И. «Слово о лживых учителях» // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 300-313. Булангина Т. В. Слово о лживых учителях // СККДР. Вып.1. XI – первая половина XIV в. Л., 1987. С. 431–432.

Имея ввиду распространенность самого нарратива, легко заметить, что основными «персонажами» в нем являются не только **«попы»**, но и «книжники» вообще, **«вежи»** («тако творят не токмо невежи, но и вежи»²⁰). Под последними понимались образованные, «знающие», люди, которые могли и не входить в состав духовенства. Тем не менее, основной функцией таких «веж», судя по цитируемым выше текстам, было учительство, и они неоднократно называются пастухами. Согласно 64 правилу Пято-шестого Трулльского Вселенского собора VII в., мирянам запрещалось проповедовать: «Не подобает мирянину пред народом произносить слово, или оучити, и тако братии на себя учительское достоинство»²¹. Толкователь канона Вальсамон подчеркивал, что право учить народ дано только архиереям и «тем, кому они поручают»²². Кроме того, в канонических правилах практически за все виды нарушений прописываются наказания для мирян и отдельно для клира. Так, в Фотиевом номоканоне о недопустимости чародейства в отношении клира читаем титул IX, глава 25, а в отношении мирян – титул XIII, глава 20²³; вероятно, это и оказало влияние на раздельность учительской антиязыческой традиции. Наконец, в Паисиевском сборнике после текста о фарисеях и лицемерах из Евангелия от Матфея, после него видим специальное уточнение, о ком идет речь – «се же глаголять о попех»²⁴. В условиях молодой церковной организации на Руси главой христианской общины вполне мог выступать не священник, а избранный мирянин, исполнявший определенные богослужебные обязанности²⁵, что не исключало и функций учительства. Вместе с этим, «вежи», «книжники» – риторический прием, на основе которого довольно сложно судить о том, могли ли под ними пониматься миряне.

Кроме того, даже в идейном плане понятия «книжности» и «книжников» двойственны. С одной стороны, в Библии находим положительный образ человека, владеющего «книжным учением», знающего истины и законы – «сей Ездра вышел из Вавилона. Он был книжник, сведущий в законе Моисеевом, который дал Господь Бог Израилев» (Езд. 7:6), «Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?» (1 Кор. 1:20). С другой стороны, «книжники Иерусалимские» – отрицательный образ,

²⁰ ОР РНБ. Ф. 351. Кир-Бел. № 4/1081. Л. 29 об.

²¹ Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. М., 2000. Репринт. М., 1887. С. 489. Ср. у апостола Павла: «как, по данной нам благодати, имеем различные дарования, то, имеешь ли пророчество, пророчествуй по мере веры; имеешь ли служение, пребывая в служении; учитель ли, – в учении; увещатель ли, увещевай; раздаватель ли, раздавай в простоте; начальник ли, начальствуй с усердием; благодетель ли, благодетельствуй с радушием (Рим.12: 6-8). В 8-й книге апокрифических «Апостольских постановлений»: «Учитель, хотя бы и из народа, если он искусен в слове Божиим и чист по поведению, пусть учит; ибо «все будут научены Богом»: Климент папа римский. Постановления апостольские изреченные в восьми книгах [Электронный ресурс] // Канон: Свод законов православной церкви. URL: <http://agioskanon.ru/kliment/008.htm> (дата обращения: 01.10.2017)

²² Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. С. 490.

²³ Номоканон константинопольского патриарха Фотия с толкованием Вальсамона. Ч. 2. Русский перевод с предисловием и примечаниями. Казань, 1899. С. 31, 37.

²⁴ ОР РНБ. Ф. 351. Кир-Бел. № 4/1081. Л. 46 об.

²⁵ Фомина Т. Ю. Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие. М., 2014. С. 147.

которые вместе с фарисеями со своим начетничеством выступавшими против Христа: «ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи» (Мф. 7:29), «Тогда приходят к Иисусу Иерусалимские книжники и фарисеи и говорят: зачем ученики Твои преступают предание старцев? ибо не умывают рук своих, когда едят хлеб» (Мф. 15:1,2), «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты» (Мф. 23:27).

Соответственно, их употребление в древнерусской литературе двойственно и зависит от контекста. Так, «книжное учение» – понятие, отражавшее своеобразный итог принятия христианства. В «Речи Философа» (в составе Повести временных лет) идолопоклонство выводилось из времени после потопа, когда дьявол ввел людей в «большое прельщение»²⁶, в статье 980 г. летописи помещен известный сюжет об идолопоклонстве Владимира²⁷, в статье 988 г. – о свержении идолов²⁸, которых заменили «книжное учение» и храмы: «и се рек повеле рубити церкви. и поставляти по местом, идеже стояху кумири, и постави церковь святаго Василья на холме, идеже стояше кумир Перунъ и прочии, идеже творяху потребы князь и людье и нача ставити по градом церкви и попы, и иди на крещенье приводити по всем градом и селом, послав нача поимати оу нарочитое чади. дети и даяти нача на оученье книжное... Сим же раздаяном на оученье книгам. събыся пророчество на Русьстей земли глаголящее, во онты днии оуслышать глусии словеса книжная и ясн будетъ язык гугнивых, си бо не беша преди слышали словесе книжного, но по Божью строю»²⁹.

«Ученье книжное» – результат Божьего провидения в истории, замена старых богов, идолов, обычаев, новое «священное». Язычниками являлись, таким образом, невежественные люди, не имеющие «ученья» – «невегласи».

Вместе с этим, благодаря «Слову о лжепророках», известному на Руси не позже XII в., древнерусские авторы познакомились и с отрицательным образом «фарисеев и книжников», знания которых не давали истинной мудрости, и обозначавших у Псевдо-Златоуста разного рода еретиков.

В поучениях против язычества указанные книжные конструкции о «книжности», «попах и книжниках» применялись к реалиям своего времени. Если «книжник» – риторическая часть фразы, то какая категория населения подразумевалась под «попами»? По Церковному уставу Владимира, «попы» составляют категорию священников (иереев), входящих в «церковные люди»: «А се церковные люди: игоумен, поп, дьякон, дети их, попадия и кто в клиросе...»³⁰. По большей мере «лихими пастухами» в источниках выступали приходские священники, имевшие наиболее близкий контакт с народом, наиболее распространенное обвинение – способствование проведению вторых трапез Роду и рожаницам ради материальной выгоды: по «Слову Григория об идолах», «по святем крещении червою работни попове оуоставиша трепарь прикладати рожества богородици к рожаничъне трапезе, оклады деюще, таковии нарицаются кормогоузыци, а не раби божьи»³¹.

²⁶ ПСРЛ. Т. 1. Л., 1926-1928. С. 92-93.

²⁷ Там же. С. 80.

²⁸ Там же. С. 117-118.

²⁹ Там же. С. 119-120.

³⁰ Древнерусские княжеские уставы XI–XIV вв. М., 1976. С. 24.

³¹ ОР РНБ. Ф. 728. Соф. № 1285. Л. 89об.

В «Слове некоего христолюбца» говорится о том, что «лихий пастухи» способствуют «проклятому молению», чем оказывается та же рожаничная трапеза: «мешаем некий чистыя молитвы со проклятым молением идольским, иже есть ставить лишье кутья, ины трапезы законнаго обеда, иже нарицається беззаконная трапеза, мнимая роду и рожаницам»³².

Принадлежность такого обвинения к священникам хорошо видна и в «Слове Исаяи пророка», автор которого специально указывает на отсутствие таких молитв в «святем молитвеннице»: «аще бы богуо годе было ставленье то трапезы тоя вторыя менимыя рожаницам, то повелено бы апостолом прописати в книги или да богоносивии святи отци наши, якоже прописано вся молитвы слоужебныя и на всю потребу, да о том ли бы не прописано в святем молитвеннице»³³ Он также восклицает, что в ином случае он недостоин святительства³⁴ и Царства Небесного: «аще кто вас ли стар, ли молод, ли богат, ли оубог, ли епископ, ли игоумен, ли ереи оукажут от святых книг, яко повеле бог второую трапезоу ставити рожаницам, то я не достоин боудоу святительства сего, ни наследник царствоу небесному»³⁵.

Очевидно, внимание авторов приковано к мирскому духовенству, которое имело непосредственные и каждодневные контакты с прихожанами. Здесь стоит обратить внимание на положение таких священников среди неофитов-христиан и среди представителей архиерейской власти. Они обладали сравнительно низким социальным статусом³⁶, в первые века христианства на Руси большинство из них принадлежало либо к княжеской дружине князя, либо к общинным или частным церквям³⁷, что вызывало соответствующую материальную зависимость мирского духовенства от своих прихожан и радетелей. В XII в. наблюдается рост финансовой зависимости церквей от епископов, что еще больше стеснило положение священников, которые, кроме всего прочего, занимались и личным хозяйством, так как иные источники дохода (плата за службу в церкви, за исполнение треб) не покрывали их потребностей³⁸. Последнее могло привести к тому, что священники, особенно общинных церквей, вынуждены были потакать некоторым нехристианским и ахристианским сакральным действиям или даже принимать участие в них, как в случае с «рожаничными трапезами». Это было связано со спецификой восприятия «вчерашними язычниками» христианства. Сделаем осторожный вывод о том, что если для древнерусских авторов храмы и книжность заняли место идолов в символично-провиденциальном

³² ОР РНБ. Ф. 351. Кир-Бел. № 4/1081. Л. 32.

³³ ОР РНБ. Ф. 728. Соф. № 1285. Л. 88.

³⁴ Это указывает на наличие архиерейской власти у автора «Слова Исаяи пророка».

³⁵ ОР РНБ. Ф. 728. Соф. № 1285. Л. 88.

³⁶ Т. Ю. Фомина приводит пример Устава Князя Всеволода, где «попы» не присутствуют в списке лиц, которые обсуждали данные нормы с князем: Фомина Т. Ю. Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие. С.148.

³⁷ Фомина Т. Ю. Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие. С. 146–161; Купорова Г. Ш., Фомина Т. Ю. Епископская власть домонгольской Руси: экономический аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. №10. С. 117.

³⁸ Купорова Г. Ш., Фомина Т. Ю. Епископская власть домонгольской Руси: экономический аспект. С. 118.

смысле, то для неопитов – **в прямом**, имея характер идолопочитания. Так, с «учением книжным» в нецерковной среде были связаны некоторые элементы обрядности нехристианского происхождения – не зря летописец упомянул об оплакивании матерями детей «нарочитой чади», которых забирали на «книжное учение»: «послав нача поимати оу нарочитое чади дети и даяти нача на оученье книжное, матере же чадъ сих плакаху по них, еще бо не бяху ся оутвердили верою, но акы по мертвеци плакахся»³⁹. По всей видимости, этот плач имел не только житейский, но и ритуальный характер, а забиравшиеся в созданные школы дети могли пониматься как проходящие инициацию, достигающие иного статуса в процессе «символической смерти», сопровождающейся слезами участников обряда.

Аналогичным образом как на уровне «нарочитой чади», так и на более низком социальном уровне могли быть восприняты и священники, обладающие «книжным учением» – образ «книжника» как знающий сливался в народном сознании с образом «волхва», «знахаря», который также был «знающим», «сведущим». С одной стороны, известные запрещения обращаться к волхвам и знахарям вовсе не отменяли самой потребности в магических процедурах – целительных, защитных и других, которые могли быть ожидаемы от новых «знающих людей». С другой стороны, ряд практик, очевидно, мог и не рассматриваться их исполнителями, в том числе священниками, как отклонение от христианства, либо рассматривался как мероприятия вынужденные. Не зря автор «Слова Исая пророка», как отмечалось выше, риторически просил найти место в «молитвеннице» для обоснования рожаничных трапез, а Кирик Новгородец в своем «Вопршании» также задавал вопрос владыке о правомерности их совершения⁴⁰. Более того, для «чреву работающих попов», «кормогоузцев» в условиях материальной зависимости от окружения такие практики являлись, очевидно, вознаграждаемыми и значимым источником дохода.

Против такого поведения (как неразборчивого в плане «правильности» тех или иных религиозных практик, так и вынужденного в материальном плане) и выступали составители антиязыческих произведений, видевшие его причину в безграмотности священников, недостаточности восприятия ими «книжного учения». Выразительно об этом писал автор «Слова некоего христоробца». Он включил в свое произведение (имеется в виду Софийский список XV в.) толкование на притчу о «злых виноградарях»⁴¹: «И сам господь рече, мнози пастуси

³⁹ ПСРЛ. Т. 1. С.120.

⁴⁰ Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. М., 2011. С. 416.

⁴¹ В Евангелии читаем: «Выслушайте другую притчу: был некоторый хозяин дома, который насадил виноградник, обнес его оградой, выкопал в нем точило, построил башню и, отдав его виноградарям, отлучился. Когда же приблизилось время плодов, он послал своих слуг к виноградарям взять свои плоды; виноградары, схватив слуг его, иного прибили, иного убили, а иного побили камнями. Опять послал он других слуг, больше прежнего; и с ними поступили так же. Наконец, послал он к ним своего сына, говоря: постыдятся сына моего. Но виноградары, увидев сына, сказали друг другу: это наследник; пойдем, убьем его и завладеем наследством его. И, схватив его, вывели вон из виноградника и убили. Итак, когда придет хозяин виноградника, что сделает он с этими виноградарями? Говорят Ему: злодеев сих предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям, которые будут отдавать ему плоды во времена свои (Мф. 21:33-41).

погоубиша виноград мои. Пастоуси соуть оучители попове, а виноград вера, а соущее в виноград в вере человеци, и погыбають лихими оучители безоумными невегласы»⁴². Сообразно с ней, а также другими сюжетами из Евангелия, строится и обличение – «попы» становятся «лихими пастухами», «фарисеями и книжниками»; интересно, что фарисейство, «книжность» в отрицательном смысле соединяется с невежественностью: «Пророк бо глаголет, от лица невежественных люди приходящих в хрщение, да обратять ны боящиися тебе, и веддоущии сведенья твоя»⁴³; соответственно, «попом» не может быть невежественный человек: «Се же молвит попом, ти ибо ведять сведения божия, а не ведающим сведенья не достоить попом бытии, так обо и в заповедех глаголеть, аще невежа боудет поставлен попом, да извержется»⁴⁴.

Во второй половине XIII в. данные сюжеты приобрели большую актуальность в условиях ослабления церковных связей, усиления влияния неканонических и языческих религиозных практик в народной среде. В правилах Владимирского собора 1274 г. (включены в Новгородскую кормчую 1280 г.), призванного систематизировать жизнь церкви, приводятся грехи, делающие невозможными принять кандидата в духовенство (священники, дьяконы, церковнослужители), во многом они повторяют те мотивы, которые изложены в антыязыческих текстах Паисиевского и Софийского сборника: «Не хотящи поставлении бытии, да испытают их потонкоу, аще житие их чисто избрящет, девство съблюдыши, девицу по закону приведыши, и законному снятию бывшу, аще грамотоу добре сведят; нъ и тоу скоро их не поставляйте, аще боудоут не кощюньници, ни хыщници, ни пьяници, ни ротници, ни сварливи. Потом подобает испытати их о вещех греховных, еда в блудстве содомьстем были боудоут, ли с скотиною, ли в роукоу съгрешение, или в татбе, разве аще не детьскаго, ли преже поятия жены своя растлит девство, ли с многыми легал боудет, или от своя жены законьныя блуд створил боудет, а или в лживее посушьстве был боудет, или оубийство створил боудет, волею или ноужею, или резовник, или челядь дроуча голодом и наготоу, страдою насилье творя, или дани бегая, или чародеец»⁴⁵.

Интересно при этом, что здесь говорится о «чародеецах», которые недостойны быть в клире – в Новгородской кормчей 1280 г. помещен текст, упоминающий о священниках, занимающихся магией и творящих обереги – «узлы» («наузы»): Аще обрящеться кто от священническаго чину, таковая вълхвуя или обавая..или узлы творя...таковый от церкви изринеться»⁴⁶. Мы не можем на основании данного источника принять радикального вывода о том, что ряд духовных лиц напрямую, «подражая волхвам», широко занимались магическими практиками. Применять указанный текст к реалиям Руси следует крайне осторожно, так как он является передачей 36 канона Лаодикийского собора IV в.:

⁴² ОР РНБ. Ф. 728. Соф. № 1285. Л. 85.

⁴³ Там же. Л. 85.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ ГИМ. Син. № 132. Л. 540.

⁴⁶ Там же. Л. 544об. По словарю В. И. Даля, «науз – часть конской сбруи; кисть, бляха и др. украшения, привешиваемые на ремне или шнуре под шеей лошади; наузный ремень идет от налобника узды... встарину, в наузде хранились обереги от глазу, призору и порчи, коренья, бумажки с заговорами и пр. почему наузд означал и привеску, ладанку, оберег или талисман»: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.; СПб., 1881. С. 502.

«Не подобает освященным или причетникам, быти волшебниками, или обаятелями, или числогадателями, или астрологами, или делати так именуемая предохранилища, которыя суть узы душ их. Носящих же оныя повелели мы извергати из церкви»⁴⁷. Вместе с этим, данные правила располагаются после постановлений Владимирского собора и имеют одинаковую направленность, поэтому следует допустить, что среди духовенства на Руси в XIII в. действительно были распространены определенные неканонические практики, осуждаемые в данном источнике. В отличие от обличителей, их исполнители, как и в случае с рожаничными трапезами, не считали такую деятельность отпадением от христианства.

Наконец, нетрудно заметить, что подобные сюжеты в образе священников в антиязыческой литературе соединяются с обвинением с другими грехами, как правило, пьянством и распутным поведением – происхождение последних авторы видели в язычестве, что и вызвало близость сюжетов о пьянстве с идолопоклонством. Если в ранних поучениях против язычества более широкий спектр грехов только сопутствовали развенчиванию нехристианских верований, то впоследствии по мере христианизации последние выступили фоном в общем перечне греховных действий – это хорошо видно на примере как правил Владимирского собора 1274 г., так и состава того же Паисиевского и Софийского сборников, представленного выше – ранние антиязыческие поучения сопровождают «слова» и канонические постановления против пьянства, пиров и мирских развлечений, которые только отдаленно напоминают обличение язычества: «”Аще хто от клирик или колутер или епископ или прозвутер или дыякон играет шахмат или леки да извержетъ сана, аще дыяк или простецъ да примуть опитемью в лет о хлебе и о воде единою днем. А поколона на день, понеже играта от незаконных халдеи”⁴⁸; послушайте любимици верни, кому вы велить писанье святое кланяться, а не дни тому, но празднуете, не делающие, ни гневающесе, ни клеветующи, ни осужающе, ни раноядивом, ни пьющее, ни играющее игр бесовских, от блуд ся воздержаше... но слабее живуть, и не слушая божественных словес, но аще плясцы... и или гудци, или иных хто игрецъ, позвоеть на игрище, или на какое зборище идольское»⁴⁹. Выражения типа «зборища идольское» для составителей сборников XIV – XV вв. могли носить скорее риторический, нежели прямой характер, обозначая, например, увеселительные мероприятия вообще.

Наконец, перечни подобных грехов для «церковных людей» сами по себе носили книжный характер, являясь, как мы видели, зеркальным отражением перечня грехов мирян. Именно поэтому применять их для анализа реальных нравов в церкви следует очень осторожно и не приписывать их, конечно, всему духовенству как социальной категории, что привело бы нас к мифотворчеству. Своеобразная «модель греховности» «попов и книжниц» означало ответственность «пастухов» за своих паству (в «Слове некоего христороубца» по Софийскому списку о том, что если «учителя» не отвратят учеников от «дьявольской службы», то сами будут повинны – «да не ошибутся проклятого того моления и слоужбы тоя дьяволе, то достоини боудоуть огню негасимому и смоле присноврющи, си же оучители под ними боудоуть»⁵⁰). Вместе с этим наличие подобных

⁴⁷ Правила Святых Поместных соборов с толкованиями. М., 2000.

⁴⁸ ОР РНБ. Ф. 351. Кир-Бел. № 4/1081 Л. 450б.

⁴⁹ Там же. Л.55 об– 57. См. также в «Слове некоего христороубца»: Там же. Л. 29-29об., 32–32об.

⁵⁰ ОР РНБ. Ф. 728. Соф. № 1285. Л. 85.

сюжетов, включающих как обличения, так и требования к священникам и, позднее, к «церковным людям» вообще отражали обеспокоенность авторов антиязыческой литературы их «ученостью» и нравами.

Вместе с этим деликатным является вопрос о том, могли ли в категорию «попов и книжниц» попасть представители архиерейской власти, ведь именно им принадлежало в строго каноническом смысле право «учительствовать». Текст антиязыческих сочинений говорит о том, что имелись прежде всего священники, имевшие непосредственный и каждодневный контакт с народом, однако сами по себе данные тексты можно было понимать по-разному. Открытая интерпретация, по которой книжная модель «работающих чреву», «пьяниц», «фарисеев и книжников» распространялась и на епископов («святителей»), принадлежала, по-видимому, стригольникам (судя по антиеретическому «Посланию Константинопольского Патриарха Антония псковичам» конца XIV в.): «Вы же, еретици стригольници, укаряете ядущихъ и пиющихъ Святителей и поповъ, рекуще, яко Жидове Христови, трутни, глаголюще: «си человекоядци суть и винопивци, друзи мытаремъ и грешником»; а вы еретици тако глаголете: сѣи учители пианици суть, ядятъ и пють сѣ пианицами, и възимають отъ нихъ злато и сребро и порты, отъ живыхъи мертвыхъ; и такими злыми словесы окаанными прельщаете народъ. И аще будутъ, по вашему слову, недостойни Святители и попове, но помяните слово Господне, еже рече; «на престоле Моисеове седоша книжници и Фарисии; все еже глаголють вамъ творити, творите, по делом же ихъ не творите; глаголють бо вам, а не творять»⁵¹.

Таким образом, образ священников в антиязыческой литературе XI–XIII вв. был довольно сложным и предполагал перенесений авторитетных книжных конструкций на социально-культурные и нравственные реалии своего времени. Модель «ученья книжного», которое вместе с храмами сменило идолопоклонство и кровавые языческие обряды, соединялась с моделью «попов и книжниц» – интерпретации евангельского сюжета о «фарисеях и книжниках». Таковыми выступили прежде всего священники, имевшие непосредственный контакт с народом. Будучи материально зависимыми от неофитов христианства, они были вынуждены сравнительно мягко вести свою проповедь и даже участвовать в исполнении ряда нехристианских и ахристианских религиозных практик, которые в среде духовенства могли и не считаться за отпадение от истинной веры. Все это вызывало негативную реакцию у авторов поучений, направленных против язычества. Положение вещей они объясняли невежеством «попов», не владением ими истин «книжного учения». Впоследствии в древнерусской литературе растет роль общих перечней грехов, а сюжеты о язычестве выступают лишь фоном и свидетельством происхождения таких явлений, как пьянство, игрищ, распутного поведения, увеселительных мероприятий. В целом подобные обличения были во внимании у стригольников, распространившие их не только на священников, но и на представителей архиерейской власти.

⁵¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 1. 1334–1598. С. 13.

Источники и литература

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 1. С. 1334–1598.
2. Антология памятников литературы домонгольского периода в рукописи XV в. Софийский сборник. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013.
3. Буланина Т. В. Слово о лживых учителях // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: XI – первая половина XIV в. Л.: Наука, 1987. С. 431–432.
4. Волков Н. В. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI – XIV вв. и их указатель. СПб., 1907.
5. ГИМ. Син. № 132.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.; СПб., 1881.
7. Древнерусские княжеские уставы XI–XIV вв. М.: Наука, 1976.
8. Клибанов А. И. «Слово о лживых учителях // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 300–313.
9. Климент, папа римский. Постановления апостольские изреченные в восьми книгах [Электронный ресурс] // Канон: Свод законов православной церкви. URL: <http://agioskanon.ru/kliment/008.htm>, свободный – Проверено 01.10.2017.
10. Купорова Г. Ш., Фомина Т. Ю. Епископская власть домонгольской Руси: экономический аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 10. С. 115–120.
11. Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. М.: Круг, 2011.
12. Номоканон константинопольского патриарха Фотия с толкованием Вальсамона. Ч. 2: Русский перевод с предисловием и примечаниями. Казань, 1899.
13. ОР РНБ. Ф. 351. Кир-Бел. № 4/1081.
14. ОР РНБ. Ф. 550. ОСРК. Фп. I. №46.
15. ОР РНБ. Ф. 728. Соф. № 1262.
16. ОР РНБ. Ф. 728. Соф. № 1285.
17. Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 13–413.
18. ПСРЛ. Л.: Изд-во АН СССР, 1926–1928. Т. 1.
19. Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями / [Репринт ОЛДПр. М., 1887]. М.: Сибирская Благовонница, 2000.
20. Столярова Л. В., Каишанов С. М. Книга в древней Руси (XI–XVI вв.). М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010.
21. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. СПб.: СПб. Духовная Академия, 1902. Т. 8. Кн. 2.
22. Фомина М. С. Древнейшие списки сборника Златоустов в ранней славянской письменности (XI–XII вв.) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1993. Т. 47. С. 34–53.
23. Фомина Т. Ю. Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие. М.: Университетская книга, 2014.